



глава 5

РОЖДЕ́ННЫЕ В СССР

ГДЕ МОЯ РОДИНА?

Абхазский дневник, Баба Нонна, пенсионерка, почтальон

Когда началась грузино-абхазская война, сердце мое стало болеть, как будто это была война в моей большой семье. Когда пришли грузины, которые меня не знали по Абхазии, они спросили: «Бабушка, ты кто?»

Я ответила: «Вы не ошиблись, я — бабушка».

«Да мы не о том...»

«А о чем же?»

«Нация!»

«А-а, ребятушки, я вас поняла! Землянка я!»

Они думали, думали, а потом: «Бабушка, такой нации нет!»

«Так что же, вы хотите сказать, что я инопланетянка? Я точно знаю, что я — человек планеты Земля!»

Они ушли от меня, их было шестеро, с автоматами. Я перекрестилась: «Слава тебе, Господи, смерть миновала!» Ну, а потом пришли абхазы, опять окружили меня: «Бабушка, ты кто?»

«Всенародная я, ребятушки, в детском доме росла, все нации меня воспитывали! — ответила я им. — Родилась в России, после смерти родителей отправили на Украину, там воспитывалась в детском доме, семнадцатилетней девчонкой взяли на фронт».

А потом сама задумалась: «А кто же я теперь?»

Собрала все документы — военные и гражданские, пошла в МВО. Тогда были выборы, Ельцина избирали. Пришла и спрашиваю у солдат: «Вы за кого?»

Они мне ответили: « За кого генерал, за того и мы!» Тогда был Якушев.

А я говорю: « За кого вы все, за того и я!» И встала в очередь к столу...

Проверили мои документы и сказали: «Вы не наша!»

Когда я услышала эти слова, у меня сердце чуть не разорвалось (*еле слышно*)... от боли. Грузины спрашивают: «Ты кто?», абхазы спрашивают: «Ты кто?», а русские совсем отказались! Я вышла, не могла остановить слезы, они заливали глаза.

Тут подошел генерал Якушев и спрашивает: «Бабуля, кто вас обидел?»

А я ему: «Василий Иванович, где же Родина моя? Та самая, за которую я семнадцатилетней девочкой в бой шла? Где она? Я ее потеряла, кто я теперь?»

Он посмотрел, посмотрел... и ушел от меня. А потом вернулся и не один, с ним Анатолий Владимирович Пилия — начальник санатория МВО — подходит и тоже спрашивает: «Бабуль, ты чего плачешь? Ты же наша, наша!»

А я ему в ответ задаю вопрос: «А вы кто?»

«Я абхазец!»

«А я, — говорю, — кто?»

«Не знаю».

«Вот и я теперь не знаю кто я, оттого и плачу».

Ну вот так... (*еле слышно*) После этого пришла домой и со слезами на глазах стала писать письмо... мнимой Родине. Ведь она у меня была и должна быть! Стала писать: «Милая, любимая, родная Родина моя, многонациональная Страна Советов, ты ли это? Я тебя не узнаю. Что с тобой случилось? Почему такая большая, дружная, сильная страна развалилась? Кто так много зла посеял в душах человеческих? Почему начались межнациональные войны? Почему? Разве плохо мы жили, когда все вместе дружили? Все мы были сыты, обуты, одеты и обогреты, недаром песню пели: «Широка страна моя родная». Да, так было, каждый человек имел право и возможность на труд, отдых, лечение, учение в любом уголке нашей многонациональной, необъятной Родины! Да, так было... Где ж ты, Родина моя? Если я к тебе дорогу не найду, без тебя я пропаду!»

Написала и отдала Якушеву. Он позвал начальника политотдела полковника Павлуценко, тот — майора Ульянова. Все они прочли и сказали: «Живи, бабушка, мы Родину найдем!»

Ну, (*пауза*) вот я и жду, когда они найдут (*тихо*)...

РАЗДЕЛЕННАЯ СЕМЬЯ

Карабахский дневник, Акоюн Асмик, пенсионерка, 68 лет, село Карабулак

Я сижу у тonyра, пеку хлеб и думаю о своей горькой жизни (*слышен щебет птиц, периодически поёт петух*).

После окончания медицинского училища меня в качестве медсестры направили в город Шуши. Это было в 54-ом году. Пошла на работу, познакомилась там по соседству с одним молодым красивым азербайджанцем. Несмотря на то, что и мои, и его родители были против наших встреч, на нас — молодых — их упреки не подействовали. Мы продолжили наши встречи. В конце концов, моя бедная мать пожалела и сказала: «Балик-джан, не могу противиться твоему сердцу». И мы поженились. Поженились, и слава Богу, создали хорошую семью. На свет появились четверо детей — два мальчика, две девочки (*плачет*)... Умные, красивые, они все окончили среднюю русскую школу в Шуши и все стремились получить высшее образование. И получили.

Старшая дочка стала педиатром, младшая — учительница русского языка и литературы. Сыновья — один окончил в Харькове — инженер, младший сын — политехнический институт в Баку. Очень счастливо я жила. Несмотря на то, что выросла без отца, радовалась, что живу очень счастливо... Но, увы... конфликт 1988 года разбил мое счастье (*всхлипывает*).

Лежала больная в городе Ашхабад — потому что другого выхода не было. Не могла лечиться ни в Степанакерте, потому что муж — азербайджанец, ни в Баку — потому что я армянка. Поэтому мой сын отвез меня в Ашхабад, где жила его теща. Там я лечилась три месяца. И там же, по телевизору узнала, что после боев Шуши теперь контролируется армянами, и там не осталось азербайджанцев. Так я потеряла связь со своей семьей, своими детьми, лишь потом узнав, что они уехали в Баку. А в то время, оставшись в Ашхабаде одна, без детей, узнала, что моей старенькой 89-летней матери стало плохо, она была одна в деревне.

Подумала, что лучше отправиться в деревню, поухаживать за матерью, а там — посмотреть, чем закончится эта война. Не представляла, что это затянется так надолго.

Приехала в 1992 году в Карабулак. Это были ужасные времена — что ни день, то трупы, каждый день плач и стенания. Ужасные времена были, пусть они не возвратятся!

Война разрушила мою семью (*плачет*)... Я оказалась по одну сторону границы, дети мои — по другую... Четырнадцать лет не имела от них никаких вестей.

В четырнадцати годах сколько есть ночей? Вот все эти ночи я мечтала о том, что увижу их во сне. И часто видела своих детишек... Не теряла надежды.

И вот в один день для меня снова «солнце взошло»! Я сидела, как обычно, в раздумьях, когда меня снизу позвал односельчанин. Пока спускалась, думала — зачем он меня позвал, к чему это? Спустилась — а он мне письмо отдал. Открыла письмо, прочла. Это была весточка от сына. Там было написано о том, что он хочет меня видеть. Я совсем растерялась. Не могла поверить ни глазам своим, ни ушам. Не могла поверить, что это со мной наяву происходит.

В это время, я была очень больна — уже два месяца имела проблемы с давлением. Была одна. Слава Богу, что я медсестра, могла сама себе лекарства назначать и уколы делать. Каждый день давление мое подсказывало. Но как я могла после столь долгой разлуки не поехать на встречу? После четырнадцати лет разлучения я должна была увидеть лицо своего ребенка! Я не могла этому поверить.

Вот в таком состоянии я доехала до того места, где была назначена наша встреча. Когда в договоренный час мой сын не пришел, я подумала, что так и не увижу его... Там рядом река текла. Я подумала, что если встречи не будет, я обязательно брошусь в эту реку. Сил у меня не было уже больше, не могла я сопротивляться.

И вот тогда парень, с кем я поехала, перешел границу — там граница проходила — вернулся и сказал, что сын мой приехал и там меня ждет!

Не пропускали нас через границу, потому что ни его паспорт не был в порядке, ни мой. А когда узнали, что мы четырнадцать лет не видели друг друга — там на границе грузин один стоял молодой — сказал мне: «Пойдем!»

Увидела: сын мой, протянув руки, ко мне идет... Пошла я. Две минуты в его объятиях я была мертвой. Мозг работал, а сердце не работало (*плачет*).

Сын стал трясти меня: «Мама, мама! Что с тобой случилось?»

Я говорю: «Плачу».

А он: «Нет, ты не плачешь, не плачешь!»...

Целый час мы, обнявшись, плакали. Ни он не мог словечка вымолвить, ни я...

В это время там проходили люди разных национальностей. Проходят — спрашивают: «Что случилось? Что случилось?»

Говорю: «Четырнадцать лет я своего сыночка не вижу!» Люди останавливались, доставали платки и плакали вместе с нами...

Вот так я увидела своего сына (*всхлипывает*). И узнала новости обо всех своих детишках — что все живы-здоровы. Четверо детей у меня, восемь внуков, из них троих я не видела, они в течение этих четырнадцати лет родились.

Узнала новости о них и сказала: «Слава Богу!»

Два часа длилась эта встреча. Потом он пошел в одну сторону, а я — вернулась домой...

Перевод с армянского



ВОЗВРАЩЁННЫЕ КНИГИ

Грузинский дневник

Сейчас я живу в Зугдиди. В Очамчире дом наш стоял у самого моря. Вся моя жизнь прошла под шум волн в штиль и в шторм. Я принадлежу к интеллигентной семье, все деньги, во всяком случае, большая часть заработанных родителями денег тратилась на книги и, естественно, жизнь наша была связана с книгами. Грузинские книги в Абхазии – нечто совсем отличное от того, что такое грузинские книги в Зугдиди.

Когда конфликт между Абхазией и Грузией уже шёл к своему трагическому завершению, мы, уходя из Очамчире, не тащили с собой ни серебра, ни золота, просто потому, что его у нас не было.

Когда уже пал Сухуми и шли последние ожесточённые бои, я, стоя в комнате перед книгами, думала: может, смогу хоть пару сумок с книгами забрать с собой? Но сколько ни выбирала, не смогла решить, какие забрать, какие бросить, все хотелось забрать, не оставлять ни одной.

Потом махнула рукой: если нельзя все забрать, пусть все пропадают! До сих пор не могу себе простить это! Хотите верьте, хотите – нет, я ни одной книги не забрала, даже сборники стихов моего отца.

Следующие семь лет были очень тяжёлыми для всех беженцев, не только для меня. Ещё хуже было, когда проходила мимо книжного магазина, не могла спокойно смотреть на библиотеки знакомых. Может это эгоизм, но когда я видела книги, я вспоминала свои книги, знала, что они где-то есть, они существуют, за ними, наверняка, кто-то ухаживает.

И вправду, до нас дошло что абхазец, который поселился в нашем доме, передал, что книги эти ему не нужны и что если мы вернёмся когда-нибудь, он отдаст ключи от дома и уйдёт восвояси. Если возвращение будет невозможно, мы можем забрать как-нибудь свои книги.

Последние три года мы лелеяли надежду, что сможем забрать библиотеку, но не всё так просто. Когда попытались всё сделать официально, выяснилось, что этому могут придать политическую окраску – абхаз сохранил грузинам грузинские книги!

В это время человек, живший в нашем доме, перехал и перевёз библиотеку с собой. Короче говоря, он три раза переезжал и три раза перевозил наши книги с собой. Уж я-то знаю, сколько нужно труда перевезти такое количество книг.

Он оказался сыном преподавателя абхазского языка и литературы и в семье общих друзей услышал историю нашей и его библиотеки, и, хотя он не космополит, у него нет в роду грузин, он патриот своего народа, тем не менее он пообещал, что постарается переписать книги нам.

Прошёл год, нам дали знать, что мы можем поехать и забрать свои книги. Это было очень тяжело, через столько лет увидеть свой город, улицу, дом, друзей и соседей... Но мы пошли на это.

Грузить книги в машину было тяжело и долго, но молодые ребята делали это без усталости, очень осторожно и аккуратно. Из тетради со стихами моего отца выпал листок, юноша поднял его с пыльного грязного пола и вложил обратно в тетрадь. Отец мой до сих пор хранит этот листок со стихотворением, который не потерялся, благодаря тому парню.

Теперь, когда мои книги со мной, я время от времени подхожу к ним, смотрю и с благодарностью думаю о человеке, который мне их вернул, нажив себе при этом неприятности.

Это был достаточно смелый поступок — скрыть историю с нашими книгами, конечно, не удалось. Я не знала, как его отблагодарить, что я могла для него сделать?

Я долго думала и сделала то, чего, к стыду своему, не сделала раньше, когда жила в Абхазии, — я выучила абхазский язык!

Перевод с грузинского

НАДО ВЕРИТЬ ЧЕЛОВЕКУ

Армянский дневник

Выезжаю я из Кировабада — тогда ещё он так назывался — на своих «Жигулях» второй модели, рядом ребёнка.

Едем в Ереван. Проехали километра три, как неожиданно на трассу въехал грузовик, видимо, хлебовоз, и стал пытаться развернуться. Он ждёт, пока проеду я. Я жду, пока двинется он. Я подаю вперёд, и он своим грузовиком врезается слева в заднюю дверцу моего автомобиля!

Мы оба выходим из машин, и шофёр грузовика сразу начинает клясться и упрашивать меня отъехать подальше, самим всё уладить, без ГАИ — мол, дешевле разберёмся. В общем, он клянётся Кораном, Богом.

Я говорю: «Верю тебе, пойдём». Поехали к мастеру узнать, во сколько обойдётся ремонт машины. Сошлись на трёхстах советских рублях плюс новая дверца.

Шофёр грузовика, который, кстати, был с товарищем и подвыпившим, уехал. Я не взял у него ни водительских прав, ни какого-либо другого документа, успел только номер запомнить. Так и уехал. А я жду.

Прошло два часа, три, четыре. Я нервничал и не знал, что делать. Дорога предстоит долгая. А я посреди длинной кировабадской трассы.

Шел уже шестой час. Возвращаться или ехать в Ереван в темноте я не хотел. Решил: подожду ещё полчаса — и всё. Проходит полчаса, я думаю, ладно, ещё десять минут подожду. Потом решаю: ещё минут пятнадцать — и уеду.

И во время этих последних пятнадцати минут я издали замечаю приближающийся грузовик. Он приехал, привёз дверцу и деньги, как договаривались. Потом сказал: «Знаешь, я весь Кировабад обошёл, все магазины!» В конце концов, за дверцей ему пришлось ехать за 50-60 километров в Дашкесан.

«Спасибо. Большое спасибо, — сказал я ему, — ты настоящий человек. Ты сдержал слово». А он спрашивает: «Знаешь, почему я это сделал? Потому что ты мне поверил. Ты даже документа у меня не потребовал. Самое большее, номер машины записал. А с ним ты мне ничего не смог бы сделать. Но ты мне поверил. И именно эта вера заставила меня поступить по-мужски».

Шофёр грузовика был азербайджанцем. Но для меня не имело значения, какой он национальности, какой — я. Главное то, что в нас обоих победила настоящая вера, человеческая вера в отношении друг друга.

Я никогда не был враждебно настроен к азербайджанцам и не буду. Потому что нации и народы не могут быть врагами. Они такие же люди, как и я...

Но есть ситуации, и когда в такие моменты люди не теряют своего лица, то я верю, что азербайджанский и армянский народы должны осознать это во благо общих интересов и развития. И мы опять будем петь ту песню, в которой говорится: «Побратались Айастан и Азербайджан». И чтобы никакой враг не мог стать между нами, не мог разобщить нас, сеять вражду.

Эта мысль и есть самое главное для меня, очень перспективная идея — надо верить человеку!

Перевод с армянского

ПРЕДАННЫЕ ДРУЗЬЯ

Карабахский дневник

Я родился и вырос в городе Баку, являюсь его коренным жителем.

До этих событий у меня очень много друзей там было, но я не думал, что придется уехать из родного города навсегда... Потому что так уж получилось, что в связи с известными событиями нам, армянам, пришлось уехать из города Баку в разные города мира. Но мне помогали мои друзья в самые тяжелые минуты. Когда нам нельзя было выйти в город, соседи наши и друзья помогали нам. Одни соседи ходили на базар, покупали все, что нам нужно для пропитания, а другие через время, когда события ухудшились в январе, трое суток прятали нас у себя дома.

Нам надо было выехать как-то, мои друзья взяли нам с женой билеты на самолет до Москвы, потому что дети были в Москве. Взяли билеты одни, а провожали — другие, конечно, рискуя своей жизнью (*в отдалении слышен звук проезжающей машины*).

Ну, а другой сосед... Мы уехали из Баку с одной дамской сумочкой, мы доверили свою квартиру, ключи азербайджанцу, который пять лет жил напротив нас. Он собрал наши вещи аккуратно и через два месяца после нашего отъезда послал нам два контейнера.

Мы получили все в целостности и сохранности и потом, через полгода, он приезжает в Москву и спрашивает нас — все ли он сделал правильно, и как все дошло?... Ну, мы его очень благодарили, и были очень довольны, потому что вошли в квартиру совершенно голую, у нас даже и мебели не было. И мы столько ждали, пока приедут контейнеры и мы все разместим...

Я этого никогда не забуду. Мы с ними до сих пор общаемся по телефону, некоторые приезжают к нам, мы с радостью их принимаем — такие друзья, верные...

У моего сына тоже — вот один из них, с которым он с первого класса учился, он тоже переехал в Москву и дружит с ним до сих пор. Вот такой случай произошел.

Как-то у друга моего сына, азербайджанца, испортилась машина, а ему надо было срочно поехать в Московскую область по делам (*слышен звук проезжающего автомобиля*). И он попросил у моего сына машину. Естественно, надо было доверенность написать на имя друга, и он написал. И где-то на следующий день тот уехал. И он такую историю рассказал, что когда проезжал мимо поста ГАИ, его остановил работник ГАИ и начал проверять документы.

Видит — доверенность и машина армянская, а за рулем сидит — азербайджанец. Он усмехнулся и спрашивает: «Очень странно, как это вы, у себя там друг друга убиваете, а здесь доверяете машину друг другу?» (*смеётся*)

Говорит: «Не понимаю я этого...» Естественно, они все засмеялись, а все документы в порядке были, и он дальше поехал по своим делам. Такая история вот случилась.

Я никогда не знал, что у меня такие преданные друзья, причем национальностью — азербайджанцы. Это для меня очень много значит. И я всегда благодарю Бога, что они есть и что они меня спасли...



ДЕРЕВО ПАМЯТИ

Карабахский дневник

Каждый человек должен посадить в своей жизни хотя бы одно дерево. Не знаю, сколько я деревьев посадил — три, пять, восемь... Наверное, потому, что в наше время были субботники. Но одно дерево, посаженное мной, запомнилось мне на всю жизнь...

Это было в далекой Белоруссии, когда я служил в армии. В один из дней ребята нашего подразделения сажали деревья по дороге, ведущей к автобусной остановке, — на трассе по обе стороны дороги. Молодые и веселые, мы в то время затеяли такую игру — каждый из нас должен был запомнить номер своего дерева.

Я хорошо помню, что мое дерево было «шестое» по левую сторону дороги.

В Белоруссии нас называли «ребятками». Нам всегда улыбались — этот народ относился к солдатам очень хорошо. Мы занимались разминированием территории Белоруссии.

Боже мой, сколько этих бомб, снарядов, мин — казалось, этому не будет никогда конца. А ведь прошло со времен войны ровно 20 лет! Иногда, разговаривая с людьми постарше, как будто чувствовалось, что за их улыбкой есть какая-то затаенная тайна, иногда — страх. Понять бы это, что такое, но это мы поняли чуть попозже. Казалось, что они скрывают от нас что-то. И можно было понять, что они скрывают то, какая здесь была война. А страх в их глазах, я думаю, был не за себя, а за нас.

Рядом жили старик со старухой. Во время одного из моих дежурств я заговорил с ними о том — о сем. И как-то я спросил: «Отец, а война? Какая она была?»

Он помрачнел и сказал всего два слова: «Не дай Бог!»

Казалось, этот народ не хотел говорить о войне. Как будто этот народ сам наложил на себя табу: забыть, не говорить о войне, потому что он жил в мире, ценил его и понимал как никто другой.

...С тех пор прошло много времени. И как будто волею судьбы и волею Божьей мне была предоставлена возможность снова поехать в столицу Белоруссии — город Минск — на курсы усовершенствования.

И вот долгожданное свободное воскресенье — то есть, свободный от занятий день. Я еду туда с надеждой найти то место. По дороге я думаю: Боже мой, все же могло быть — могли разломать эту дорогу, могли построить что-нибудь там, объект или, по крайней мере, жилые дома.

Вот и то место — я его хорошо помню. Я схожу с автобуса: она есть, эта дорога. Иду по этой дороге — скорей бы найти свое дерево, шестое по левую сторону дороги.

И вот оно — большое и красивое.

Я сажусь, закуриваю... Разные мысли приходят в голову. Иногда мне кажется, что это дерево наберет силы и крикнет на весь мир: «На этой земле больше не должно быть войны!»

Где те ребята, которые посадили эти деревья? Как сложилась их судьба? Все ли они живы? А что было бы, если бы произошло чудо и они сейчас оказались бы вместе со мной под этими деревьями? Что бы мы сделали? Наверно, мы преклонили бы голову перед этой землей, перед этим мудрым, беспредельно добрым народом.

Не знаю, сколько я там был, но я понимал, что надо уходить. Я пошел по этой дороге и знал, что иду по этой дороге в последний раз. Я обернулся, и мне показалось, что «дерево памяти» улыбнулось мне.

Сейчас, вспоминая все это, в голову приходят нехорошие мысли. А может ли так быть, что дети этих ребят, которые сажали те деревья, в наше смутное время стреляют друг в друга?

И хочется сказать, ответить на все это словами того старика из далекой белорусской деревни — «Не дай Бог...»

ШУШИНСКИЙ СОЛОВЕЙ

Азербайджанский дневник

Никогда не забуду ту встречу, которую пережил однажды на карабахской земле...

Проводились Дни Бюль-Бюля в Шуше. Однажды, после очередного мероприятия, решили, как говорится, немного отдохнуть. Вскоре организовали возле источника Иса Булагы небольшой, поистине уютный пир. Все было на столе, кроме спиртных напитков, которые запретило тогдашнее советское руководство во главе с Горбачевым.

На первый взгляд, все было нормально. На пиру были и гости из Москвы. Но все-таки чувствовалось отсутствие спиртных напитков. Именно поэтому наше застолье закончилось через некоторое время. Я уже уходил, но вдруг услышал поистине таинственный, чей-то удивительный голос. Взяв свой репортер, я поднялся на вершину, откуда доносился этот удивительный голос. Когда я с трудом пробился туда, увидел классическую азербайджанскую тройку, составленную с помощью тара и кяманчи. А рядом с ними стояла высокая женщина с дяфом в руках.

Казалось, она не заметила меня и продолжала петь азербайджанскую народную песню из героического эпоса «Гачаг Няби». Когда закончилась песня, она повернулась ко мне и попросила остановить запись. Лишь тогда я увидел, что она совершенно слепая.

Потом она рассказала о своей творческой судьбе. Сказала о том, что когда ей было около четырнадцати лет, она впервые встретилась с великим певцом — Ханом Шушинским.

«Несколько раз я пыталась войти в его музыкальный Меджлис, но все было безрезультатно. К моему счастью, он сам спросил меня о том, мол, зачем я уже несколько раз приходила к нему. Тогда я сказала, что хочу петь, у меня хороший голос. Хан решил тогда послушать меня, а после моего пения предложил ехать в Баку. Тогда Сурен, брат мой, не пустил меня в Баку», - сказала она.

Услышав имя Сурен, я невольно задумался о том, что эта женщина по национальности армянка. Но пела она азербайджанские народные песни на чистейшем азербайджанском языке. Спустя некоторое время, уже после известных событий вокруг Нагорного Карабаха, я поинтересовался судьбой этой женщины.

Узнал о том, что она не уехала из Шуши и продолжала петь азербайджанские народные песни на той же вершине Иса Булага. Армяне предлагали этой слепой певице прекратить петь эти песни. Но она не слушала их и настойчиво продолжала свое дело.

Перевод с азербайджанского

НЕ ПРОКЛИНАЙТЕ!

Грузинский дневник

Я — Роин Шенгелия из Зугдиди.

Хочу поделиться воспоминаниями об Абхазии, красивейшем крае, о Сухуми, и сухумцах. Хочу вспомнить абхазскую женщину, спасающую меня от смерти, вывезшую меня из горящего Сухуми, вернее из разрушенного, павшего Сухуми.

До того хочу вспомнить с благодарностью армянскую семью, которая, несмотря на то, что пострадала от наших горе - вояк, приняла нас в своём доме и делилась с нами куском хлеба. У женщины, которая нас скрывала, был сын-инвалид и престарелая мать, которая каждый день молилась о нашем спасении. Ещё у неё был брат — член проабхазского общества «Крунк», который, тем не менее, не выдал нас.

Было это 24 июня, мы случайно наткнулись на абхазский отряд, атаковавший железнодорожную станцию. От смерти нас спасла Света. Она вымолила нас у солдат. Потом стала искать какую-нибудь возможность вывезти нас из Сухуми. Она обратилась за помощью к соседям-русским и абхазцам. На просьбу откликнулась одна абхазская женщина, она раньше учила соседских детей русскому языку и хорошо владела грузинским. Она не перечеркнула то тёплое отношение к грузинам, которое у неё было, и взялась оформить наши документы.

В итоге, оказались мы в списках людей, которых Красный Крест ежедневно вывозил из Сухуми. Это была большая радость и большая боль...

Помню, как прощаясь, Эмма сказала: «Когда доберётесь до Зугдиди, не проклинайте всех абхазцев!»

Перевод с грузинского

ОБИДА

Абхазский дневник, Низфа Аршба, 25 лет

История эта случилась со мной, когда я училась в пятом классе 10-ой Сухумской средней школы. По национальности я грузинка — Кекелидзе Низфа Ревазовна. Я выиграла конкурсов и должна была поехать для участия в республиканском конкурсе в Тбилиси.

В один из дней после конкурса меня вызвал к себе директор школы и стал записывать мои данные. Услышав мою фамилию и имя, он так удивился и произнес: «Низфочка, ты не обижайся, но послать тебя я в Тбилиси не смогу. Это что ж получается, в Абхазии нет никого из абхазцев? Нет, я не могу послать из Абхазии — грузинку!»

Вызвали тогда моего одноклассника, Беслана Хаджимба, который на этом же конкурсе занял второе место, и отправили его вместо меня.

Это для меня было таким горьким ударом, такой обидой... После этого около полутора месяцев лежала в Гульрипшской больнице. Я не болела ничем, но в то же время у меня было очень слабое состояние — депрессия. После этого я долгое время не участвовала ни в каких конкурсах, не занималась ни в одном из кружков.

Я обратилась к бабушке с дедом, которые воспитывали меня, с большой просьбой — сделать меня абхазкой. И ровно через год я получила новую метрику, в которой я уже стала Аршба Низфа Дорисмановна.

Мои национальность и фамилия помешали мне, по-детски для меня это было чем-то страшным. В принципе, до сих пор «это» осталось во мне, и каждый раз, видя своего директора, я не могу не вспомнить об «этом».



МЕЖ ДВУХ МАТЕРЕЙ

Азербайджанский дневник

В деревне Аскипара Казахского района во время сельхозработ на полях был убит тракторист — житель села. Озлобленные односельчане из Аскипары в поисках мести взяли в плен четверых армян. Трех взрослых держат в подвале, а восьмилетнего ребенка — Эдика, усыновила вдова.

Узнав о случившемся и, тем более, о том, что юному пленнику всего восемь лет, народный писатель Исмаил Шыхлы очень рассердился. Сказал, что мальчик не виноват во всем происходящем и его надо немедленно вернуть семье. Конечно, никто не осмелился возражать Исмаилу Шыхлы. Армянам немедленно было сообщено, что завтра же мальчика возвратят. На следующий день на приграничной зоне с обеих сторон собрались люди: с армянской стороны собрались около двухсот человек, а с нашей — тридцать. Нас разделяла всего сотня метров.

Я видел душевное потрясение родной матери пленного мальчика, которая мокрыми от слез глазами смотрела на нас. Она будто бы умоляла, просила вернуть своего сына. А мальчик... в течении одной недели так привык к азербайджанской женщине, что обнимал ее как будто

свою родную мать. Должен сказать, что азербайджанской женщине тоже не хотелось расставаться с этим ребенком. Она вся в слезах привела ребенка, чтобы вернуть родной матери.

Мы стали свидетелями ужасной сцены. С обеих сторон с душевной болью наблюдали за этой ситуацией. И со стороны армян, и со стороны азербайджанцев. Обе женщины рыдали. Поверьте, что не нашлось бы с обеих сторон человека без слез на глазах.

Ребенок спокойными шагами пошел к своей маме. Но пройдя несколько метров он вдруг обернулся и очень быстро побежал обратно. Мальчик растерялся при выборе между двумя женщинами. Но его все-таки отобрали у азербайджанки и снова отправили на ту сторону. Эдик все же дошел до родной матери. Уже уходя от границы, со своими родными, он долго оборачивался, махал рукой и посылал воздушный поцелуй азербайджанской женщине.

Перевод с азербайджанского

ШАЛАХО

Армянский дневник

Эта история произошла приблизительно в 1990-91 годах.

Я работала в учреждении, принадлежащем сфере культуры. В то время в Армению пришло приглашение принять участие в съезде UNESCO в Куйбышеве. Нас разместили на втором этаже гостиницы, а на третьем разместились представители Азербайджана. Хочу сказать, что в то историческое время тот факт, что мы и азербайджанцы оставались в одной и той же гостинице, создавал большое напряжение, даже у детей.

Помню, что, засыпая, дети закрывали дверь на ключ, и когда мы, взрослые, уходили на мероприятия, детям наказывали не делать лишних реплик и вести себя достойно, так как существовала огромная внутренняя вражда. Хотя с первой же минуты нас предупредили, что желательно не затевать никаких национальных и межнациональных споров.

Был оргкомитет, который занимался отбором художественных номеров. Случилась интересная вещь. Оказалось, что и мы, и представители Азербайджана подготовили один и тот же номер — танец Шалахо. Для нас это было неожиданно, так как Шалахо — наш национальный танец. Естественно, азербайджанцы пытались доказать обратное. Хотя у нас было подготовлено еще два художественных номера, мы упорно настояли, что это наш национальный танец и мы должны выступить именно с этим номером. Точно так же пытались бороться и азербайджанцы, и председатель оргкомитета предложил оставить все дискуссии и дебаты и провести жеребьевку.

Откровенно говоря, мне это показалось смешным. Я сказала, что если мы даже не будем первыми, мы все равно представим Шалахо. Во время жеребьевки мы очень обрадовались, так как нам выпало право выступать первыми. Ну, а представлять два Шалахо подряд оргкомитет не мог.

Когда подошел наш черед, объявили: «Республика Армения с танцем Шалахо!»

Включили музыку, наш танцор вышел на сцену, танец пошел, зал аплодировал, и вдруг я заметила, как слева из-за кулис выскочил на сцену один парень, и они, заняв правую и левую стороны сцены, стали танцевать вдвоем.

Это был тот азербайджанский парень, который тоже подготовил Шалахо. Они вдвоем очень красиво станцевали. Зал с начала до конца аплодировал им.

В конце парни подошли и поблагодарили друг друга. Получилось так, что объявленный танец — «Республика Армения — Шалахо» — выступили и армянский парень, и азербайджанский.

Я считаю, что это была победа.

Перевод с армянского

ХЕИТИ

Южно-осетинский дневник

На северо-восточной окраине города Цхинвал расположен поселок, вернее, деревня Хеити, населенная грузинами. Это было в жаркий летний день, между осетинами и грузинами шли перманентные бои. Вот в один жаркий летний день мы по горам перешли на грузинскую сторону: я вместе со своими четверья друзьями. И мы находились в районе этого села. Выйдя из лесу на одну из полян, мы увидели мирно пасущееся стадо коров и пастуха, который заснул под деревом. Ну, природная обстановка была такая идиллическая.

Жарко, лето, человек пасет коров и спит под грушевым деревом. Мы подошли к нему, нас было четверо здоровенных бородачей с автоматами (*усмехается*), а он мирно спал. Когда мы его разбудили... Ну, я бы не хотел быть на его месте, увидеть у себя над головой четырех вооруженных людей, в общем-то, картина неприятная, тем более, что мы были как бы противники.

Вообще, конфликт между грузинами и осетинами был во многом надуманный, и часто мелочи, на которые в обычной жизни не обращаешь внимания, становились принципиальными моментами. Тут бы я обвинил грузин в том, что они лишили нас даже имени, то есть, вместо Южной Осетии нас стали называть Самачабло. А Самачабло это вот до революции было несколько деревень, принадлежащих некому Мачабели, грузинскому князю. Ну, таких князей по всей Осетии было порядочно, были Херхеулидзе, Павленишвили, но почему-то нас решили называть Самачабло. Естественно, осетины на это сильно злились.

Ну, и вернемся к нашему бедному спящему пастуху. Это был такой упитанный человек средних лет, невысокого роста, чем-то похож на Винни Пуха. И, в общем-то, у него было такое испуганное выражение лица и такая фигура, что, знаете, совсем никакого воинственного настроения у нас не вызывала.

И вот, чтобы понять, что за человек перед нами, я нахмурил брови и злобно спросил его, в общем-то, довольно злобно, потому, что действительно мы в то время очень злы были друг на друга.

Я его спросил: «А ну-ка скажи нам, — говорю, — здесь у нас что, Южная Осетия или Самачабло?»

Грузин развел руками и сказал: «Я ничего не знаю, здесь Хеити».

Мы все засмеялись (*смеётся*). Вот до сих пор мне смешно; он так красиво это сказал, и мы оценили его юмор. Вот благодаря этому юмору, короче, мы его с миром отпустили. Надеюсь, он до сих пор жив. Если он слышит нас, я ему передаю привет (*весело*).